

В. Ф. НОВОДРАНОВА

**ИМЕННОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ТЕРМИНОЛОГИИ**

LATERCULI VOCUM

LATINARUM ET TERMINORUM

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МЕДИКО-СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Ф. НОВОДРАНОВА

ИМЕННОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ТЕРМИНОЛОГИИ

LATERCULI VOCUM
LATINARUM ET TERMINORUM

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2
Н 74

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ),
грант № 06-04-16272

Новодранова В. Ф.

Н 74 Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. М.: Языки славянских культур, 2008. — 328 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0282-5

Монография охватывает широкий круг вопросов, связанных как с описанием именной системы латинского словообразования, ставшей основанием для словообразовательных систем европейских языков, так и с установлением той части этой системы, которая была использована для построения и организации медицинской терминологии. В монографии впервые решены задачи многоаспектного и разноуровневого анализа связей двух систем: естественной (именное словообразование) и искусственной (терминообразование в языке науки). Впервые дается подробная характеристика словообразовательных моделей и той, и другой системы, показаны процессы, происходящие при переходе от литературного языка к определенной терминосистеме. Такое исследование открывает собой новую страницу не только в латинистике, но и в общем языкознании и терминоведении.

Монография рассчитана на аспирантов и специалистов в области классических языков, общего языкознания, сопоставительной лингвистики и терминоведения.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0282-5

© В. Ф. Новодранова, 2008
© Языки славянских культур, оригинал-макет,
2008

Содержание

От автора	5
Предисловие	7
Введение. Теоретические предпосылки исследования.....	10
§ 1. Именное словообразование в латинском языке (состояние вопроса и основные принципы анализа материала).....	10
§ 2. Становление фонда словообразовательных средств в медицинской терминологии	15
 Раздел I. Именное словообразование в литературном латинском языке	
Глава I. Префиксация в латинском именном словообразовании.....	19
§ 1. Общая характеристика латинских префиксов	19
§ 2. Фонологические характеристики префиксальных моделей.....	24
§ 3. Отличие именных префиксальных производных от глагольных	27
§ 4. Структурно-семантическая характеристика префиксов латинского языка	30
§ 5. Деривационно-морфологическая характеристика префиксальных моделей	42
§ 6. Общие выводы	45
Глава II. Суффиксация в литературном латинском языке.....	49
§ 1. Общая характеристика латинских суффиксов.....	49
Анкета описания отдельного суффикса.....	52
Имя существительное	53
§ 2. Образование девербальных существительных.....	53
§ 3. Образование деадъективных существительных.....	76
§ 4. Роль исходных прилагательных в синтаксической и лексической деривации	101
§ 5. Образование десубстантивных существительных.....	113
Имя прилагательное	130
§ 6. Образование девербальных прилагательных	130
§ 7. Образование десубстантивных прилагательных.....	137
§ 8. Образование деадъективных прилагательных	148
§ 9. Общие выводы.....	150
Глава III. Именное словосложение в латинском языке	158
§ 1. Общая характеристика латинского словосложения	158
§ 2. Морфологическая характеристика словосложения в латинском языке	161

§ 3. Структурно-семантическая характеристика вторых компонентов сложения	166
§ 4. Именные композиты греческого происхождения	180
§ 5. Общие выводы	184
 Раздел II. Система терминообразования в современной латинской медицинской терминологии	
Глава I. Преобразования системы префиксации литературного латинского языка в медицинской терминологии	188
§ 1. Инвентарь префиксов.....	188
§ 2. Терминообразовательная активность префиксов в системе ₂ (статус префиксов).....	194
§ 3. Семантическая структура префиксов	206
Глава II. Модификация системы суффиксации в медицинской терминологии	220
§ 1. Инвентарь суффиксов существительных и прилагательных	220
§ 2. Терминообразовательная активность суффиксов существительных и прилагательных	228
§ 3. Структурно-семантическая характеристика суффиксов.....	239
Глава III. Рефлексы латинского именного словосложения в медицинской терминологии.....	251
§ 1. Общие замечания.....	251
§ 2. Термины-компози́ты с девербальным ономаσιологическим базисом.....	252
§ 3. Термины-компози́ты с десубстантивным ономаσιологическим базисом.....	261
§ 4. Термины-компози́ты с деадъективным ономаσιологическим базисом.....	266
§ 5. Формирование терминообразовательных рядов, цепочек и парадигм с греко-латинскими терминоэлементами	268
§ 6. Классификация терминоэлементов в соответствии с обозначаемыми ими ономаσιологическими категориями	270
§ 7. Роль греко-латинских словообразовательных элементов в форми- ровании национальных терминологий в европейских языках	273
§ 8. Лексикографическое представление интернациональных (греко-латинских) терминоэлементов.....	276
Заключение.....	283
Литература	288

Моему дорогому другу и учителю — Елене Самойловне Кубряковой

От автора

Данная монография является развитием идей, заложенных в моей докторской диссертации «Латинские основы медицинской терминологии», защищенной в 1990 году. За последние почти два десятилетия в лингвистике произошли огромные изменения: становление когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, антропологистики как разновидности антропоцентрического подхода к явлениям языка, разработка проблем научной и языковой картин мира, идей концептуализации и категоризации мира и т. п.; терминоведение вступило в свой когнитивный период развития и пересматривает свои традиционные вопросы о сущности термина, об особенностях научных текстов и ставит новые проблемы о языке для специальных целей, структурах знания, которые стоят за термином, о профессиональной коммуникации, о когнитивных картах науки и т. п. Между тем классический латинский язык не изменялся, по-прежнему латинский лексический и словообразовательный фонд используется в современных терминологических системах, а обобщающей работы, системного исследования именного словообразования латинского языка и его использования в терминологии до сих пор нет. Нам представляется, что издание настоящей монографии может послужить восполнением этого пробела.

Считаю приятным долгом поблагодарить всех, без кого книга не могла бы состояться. Прежде всего это сотрудники отдела теоретического языкознания Института языкознания РАН — Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, В. И. Постовалова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др. В сущности всё мое исследование базируется на теоретических работах ученых этого отдела.

Особую благодарность и мою искреннюю признательность я хочу выразить Е. С. Кубряковой, чей блестящий талант ученого, требовательность и ответственность, щедрость и доброта служат для меня недостижимым образцом. Я благодарю всё Кубряковское братство за постоянную поддержку на всех этапах подготовки монографии.

Научная атмосфера в Институте языкознания РАН, членом коллектива которого я себя считаю, способствовала моему становлению как лингвиста. Поэтому я приношу глубокую благодарность всем моим коллегам и друзьям — сотрудникам Института языкознания РАН во главе с его директором В. А. Виноградовым.

Не могу с благодарностью не отметить и ту доброжелательную атмосферу, которой меня окружают кафедра латинского языка и основ терминологии Московского медико-стоматологического университета и всё его руководство во главе с президентом Н. Д. Ющуком и ректором О. О. Янушевичем. Поэтому я выражаю искреннюю благодарность всему руководству университета, в котором я работаю, и коллективу кафедры, мной возглавляемой более 35 лет.

Предисловие

Настоящая монография ставит своей целью осветить не только особенности именного словообразования классического латинского языка как основной части его словообразовательной системы, но и определить роль этой части словообразовательной системы в формировании современной медицинской терминологии. Иначе говоря, анализ именного словообразования рассматривается здесь как предпосылка анализа медицинской терминологии в ее латино-греческой части. По сути это значит, что автор проследил судьбы латинского языка на протяжении многих веков, начиная с III в. до н. э. Как сказал В. Г. Гак на защите докторской диссертации В. Ф. Новодрановой о латинских основах медицинской терминологии: «Не менее интересна и существенна теоретическая сторона диссертации. Латынь представляет собой уникальный факт продолжения существования языка в специализированной функции после его отмирания как обычного средства общения. В. Ф. Новодранова прослеживает путь от словообразовательной системы литературной латыни к латыни языка современной медицины».

Конечно, такая задача могла быть поставлена, а отчасти и ставилась, вне рамок когнитивной науки. С появлением когнитивной науки указанные проблемы, однако, были увидены в новом ракурсе, а при их решении стали использоваться новые подходы и методы, т. к. было осознано, что сам познавательный процесс проходит разные ступени, которые и в языке — меняющемся и динамично развивающемся — находят разное отражение. Не меняя сложившуюся в течение нескольких веков традицию, автор все же использует в книге новый подход и демонстрирует нам другой уровень рассмотрения не только в своих новых статьях по когнитивному терминоведению, но и подготавливает его настоящей монографией.

Не случайно поэтому, что многое из представленного на страницах этой работы освещено впервые, что, кстати говоря, в заглавии книги и не отражено. Если, действительно, здесь впервые находит достаточно полное описание именное словообразование латинского языка, а оно, как известно, и составляет главную часть всей словообразовательной системы латыни (глагольное словообразование во много раз уступает по своему объему именному), и, действительно, впервые охарактеризована роль именной словообразовательной системы общелитературного языка (ее автор называет «системой₁») в формировании терминологической лексики медицины (она именуется «системой₂»), это значит, что перед нами разворачивается первое описание того, как происходит реально становление одной системы на базе другой, исходной. Более того. Поскольку происходящему дается не только формальная интерпретация (рождение аффиксальных формантов на базе конкретных сочетаний разного рода префиксов, суффиксов, интерфиксов и т. п.), но и семантическое истолкование, впервые демонстрируется и то, как категориальные смыслы, заложенные в категориях общелитературного языка, субкатегоризуются, т. е. развивают по мере потребности новые смыслы (ср. названия болезней, опухолей, новых наук и т. п. и т. д.).

Но ведь тем самым в книге продемонстрирован впервые не только так называемый процесс *extension of the category* («расширения» границ категории), на кото-

рый позднее обратил внимание такой выдающийся когнитолог, как Джон Лакофф. А это, в свою очередь, закладывает основания для организации той подсистемы языка, которая сегодня получает название LSP-языка для специальных (т. е. профессиональных) целей, без обучения которому/которым не мыслится современное образование и даже методика межкультурного общения.

Итак, фактически монография открывает гораздо более широкие горизонты как для описания процессов эволюции словообразования в разных языках, так и для понимания разных этапов становления языков для специальных целей в когнитивном аспекте, поскольку она показывает разные ступени обобщения человеческого опыта.

Книга В. Ф. Новодрановой, несомненно, найдет самого широкого читателя, ведь она представляет интерес для любого культуролога и филолога, которого интересуют истоки науки и их отражение в современной научной картине мира.

Перед читателем, который внимательно ознакомится с этой книгой, неожиданно откроются также самые разные проблемы, среди которых можно было бы назвать, с одной стороны, вопросы, касающиеся теоретического языкознания и теории словообразования, а с другой стороны — вопросы, относящиеся к статусу латыни в современном мире. Прокомментируем это более подробно.

Во-первых, интереснейшие проблемы теоретического языкознания:

1. разработка понятия языка для специальных целей и терминологической лексики как его основы. Определение понятия терминологического структурной единицы терминологической системы;
2. идея становления категориального аппарата отдельных наук и общая проблема категоризации мира;
3. идея ингерентной связи морфологии и словообразования как типологической характеристики целого ряда индоевропейских языков;
4. проблемы морфонологии, явлений на стыке морфем.

Во-вторых, в книге содержится:

1. интереснейший материал и его интерпретация по вопросам вариативности, валентности, типологии и других структурно-семантических особенностей словообразовательных единиц;
2. идея ядра и периферии в словообразовательной системе, показывающая, что их перестройка идет не только за счет изменения значений, но и за счет изменения позиций внутри системы (это в книге хорошо описано путем сопоставления системы₁ и системы₂);
3. механизм перехода аффиксов из системы₁ в систему₂;
4. категориальный принцип классификации производных терминов в системе₂;
5. проблемы имплицитности словообразования.

Наконец, *в-третьих*, поднимаются вопросы о значимости латинского языка для формирования европейских языков и о его статусе для современного мира. Эти вопросы особенно важны, т. к. до сих пор отсутствует обобщающая монография, которая показывала бы всю значимость латыни и особенностей ее функционирования сегодня. Статус латинского языка определяется в современности участием классической латыни в дискурсивных практиках разного рода, например, в озвучивании религиозных и других текстов, а также постоянным влиянием латыни (совместно с древнегреческим) на новые сферы терминологии фундаментальных и новых наук.

Я бы подчеркнула еще то, что книга открывает массу вопросов для дальнейшего исследования природы терминов и терминологии. Достаточно сказать, как много сделал и сам автор в развитии идей, заложенных в монографии, в опубликованных им статьях о новых подходах к определению основных понятий терминоведения, о терминообразовании в когнитивно-дискурсивной парадигме, о взаимодействии категориальных признаков в концептуальной структуре термина, о редукции и интеграции как способах материализации концептов, о композиционной семантике как отражении концептуальной интеграции, о типах знания и их репрезентации в языке для специальных целей (LSP) и др.

Книга дает почву для разработки проблемы: латынь как порождающая среда для современной неологии — вся новая лексика связана с латинским и латинизированным греческим лексическим и словообразовательным фондом (ср. супер-, гипер-, мега-; -ика, -истика и др.).

Интересными по-прежнему являются темы: истоки становления специальных категорий и их семантическое развитие от общих абстрактных категорий к специальным малым категориям; жизненность категорий, релевантно выделенных в медицине и составивших костяк современного категориального аппарата медицины.

Категории, будучи правильно установленными на каком-то этапе познавательной деятельности, сами развиваются дальше, т. к. новый опыт вписывается в категориальную сетку того времени: категории предметных имен исчислимы, а развивающиеся категории дробятся по-новому. Интересны пути пополнения объема категории (расширения его и распространения). Джон Лакофф, говоря о классификаторах в языке, писал: вначале рыбы, потом удочки и сети.

Хорошо известно, что когнитивная семантика открывает путь для изучения структур знания, которые, формируясь в сознании, реализуются в языковых единицах.

Хотелось бы, в заключение, сказать, что достоинство и успех научных публикаций определяются тем, на наш взгляд, что они удовлетворяют двум главным требованиям:

адекватному раскрытию темы, сформулированной в заглавии работы, и достаточно ясному решению поставленных задач;

открытию новых горизонтов будущих научных исследований.

И то, и другое связано с тем, как много нового может почерпнуть для себя вдумчивый читатель, знакомясь с монографией, но, что еще важнее, извлекая из прочитанного не только новые знания (систематизированные, упорядоченные и хорошо изложенные и объясненные) и строя на этих знаниях новое, в частности, благодаря тому, какие новые идеи возникают у него в связи с полученной информацией.

На мой взгляд, книга В. Ф. Новодрановой отвечает полностью этим двум требованиям.

Главный научный сотрудник отдела теоретического языкознания
Института языкознания РАН, доктор филологических наук, профессор

Е. С. Кубрякова

ВВЕДЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Именное словообразование в латинском языке (состояние вопроса и основные принципы анализа материала)

Изучение системы словообразования в латинском языке представляет большой интерес для общего языкознания, во-первых, потому, что латинский язык, принадлежа к индоевропейской семье языков, послужил основой для развития многих из них, во-вторых, он имеет богатую словообразовательную систему с множеством разнообразных моделей и, в-третьих, латинский язык как язык мертвый, уже не развивающийся, предоставляет богатый материал для выявления сущностных характеристик словообразовательных процессов в силу закрытости его словообразовательных рядов по сравнению с современными языками, в которых словообразование представляет собой открытую систему.

Существует множество монографий, диссертаций и статей, в которых рассматриваются отдельные виды, типы и модели словообразования, представленные в латинском языке, но не существует специальной работы, предметом которой была бы система именного словообразования латинского языка в целом. Несмотря на то, что составителями латинских грамматик понималась особая роль словообразования, в связи с чем в классических и наиболее авторитетных работах по латинской грамматике оно выделялось в самостоятельный раздел, сами эти разделы были весьма краткими и мало информативными. Можно считать поэтому, что в работах по латинской грамматике словообразование до сих пор не получило полного освещения. Отдельные авторы ограничиваются описанием некоторых видов и типов словообразования. Однако взаимодействие этих видов не рассматривается. В работах, где словообразованию уделяется относительно большое внимание, рассматривается только один его вид — аффиксация, под которым к тому же понимается только суффиксация.

С такой же картиной столкнулись и авторы «Формальной модели латинской морфологии» — И. А. Большаков и А. А. Дурново. «Приступив к работе, — пишут они, — мы были удивлены тем, что, несмотря на многократные обращения к латыни в трудах по компаративистике и общему языкознанию, работ, <...> строго описывающих морфемно-морфную структуру этого языка, встретить не удалось. В учебной литературе нет единства относительно того, где проходят морфные швы внутри цепочки суффиксов. Не выяснено даже общее количество суффиксов в отдельных цепочках, не говоря уже о попытках оптимизации описания морфной репрезентации морфем в тех или иных конкретных случаях» [43, ч. I, с. 9].

Адекватному описанию словообразования в латинском языке препятствовало немало факторов. Одним из них являлось явное отсутствие сведений по словообразованию. С другой стороны, еще более важным было то, что в момент создания лучших описаний латинского языка не была еще разработана методика словообразовательного анализа. В частности, не проводилось еще четкого разграничения понятий морфемного состава слова и его словообразовательной структуры, словоизменяемых и словообразовательных морфем и т. п.

Хотя в настоящее время в работах, осуществленных на материале германских языков (А. И. Смирницкий, Е. С. Кубрякова, М. Д. Степанова и др.), романских (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. Г. Гак, Е. А. Вольф и др.), славянских (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. С. Улуканов, Е. А. Земская, П. А. Соболева, Н. А. Тихонов, В. В. Лопатин и др.) и других языков, разработаны теоретические основы словообразования, принципы морфологического и словообразовательного анализа, определены понятия словообразовательного значения, словообразовательной модели, парадигмы, словообразовательного гнезда и др., в области латинского языка отсутствует полное описание словообразовательной системы, которое учитывало бы достижения в данной области. Отсутствует и теоретическая разработка этого вопроса. Поэтому для исследования словообразования латинского языка на современном уровне в монографии мы используем не столько работы о латинском языке, сколько, с одной стороны, данные других индоевропейских языков (германских, романских и славянских), с другой стороны, что еще более важно, теоретические построения и методы описания словообразования и морфологии этих языков.

Определение понятий, уже разработанных в теоретическом словообразовании, не входит в задачи нашего исследования. Мы принимаем ту их трактовку, которая в каждом отдельном случае будет указана специально.

Свою задачу мы видим в изучении и описании закономерных типизированных способов словообразования на базе существующих в латинском языке словообразовательных единиц и структурно-семантических отношений между ними, а также прежде всего в изучении системы именного словообразования в целом, а следовательно, общих закономерностей этой системы. К ним мы относим: установление главных способов словообразования, выявление существующих в латинском языке словообразовательных единиц и моделей, описание структурно-семантических отношений внутри словообразовательной системы, определение взаимодействия словообразовательных и словоизменяемых единиц и т. д.

Материалом исследования послужили существительные и прилагательные, отобранные из «Латинско-русского словаря» И. Х. Дворецкого [580], из частотного словаря латинского языка М. Мати [642], словаря латинского языка О. Граденвитца [633].

Словарь И. Х. Дворецкого составлен на обширном материале латинского языка периода III в. до н. э. — VII в. н. э. Это позволяет судить о латинском языке на всем протяжении его развития как живого языка — от архаической латыни, зафиксированной в первых дошедших до нас документах и фрагментах из произведений первых латинских писателей, до языка поздних писателей, уже утратившего

во многом нормы классической латыни. Словарь включает лексику произведений римской литературы и важнейших исторических, юридических и естественнонаучных памятников того времени — всего 112 источников (латинских авторов или литературных памятников), вошедших в словарь. Все слова и значения снабжены указанием на автора или на источник, где они встречаются, что помогает получить представление о периодизации языковых явлений.

Частотный словарь М. Мати составлен на материале латинских текстов Цезаря, Цицерона, Корнелия Непота, Овидия, Плиния Младшего, Саллюстия, Тацита, Сенеки, Вергилия, Тита Ливия и др. В словаре три списка слов — первый список (281 слово) составляют служебные слова без указания на их частотность. Второй список — частотный — содержит 2213 полнозначных слов, встретившихся в текстах не менее четырех раз. Третий список — алфавитный — включает 2915 полнозначных слов, снабженных показателем частотности. Алфавитный список больше за счет того, что к однокорневым словам второго списка здесь добавлены производные с меньшей частотностью (3 или 2), не включенные во второй список. В словаре М. Мати нами подсчитывались производные (полнозначные слова) третьего списка. Всего словарных единиц 2915, из них производных — 1882, т. е. 64,56 %.

Результаты количественного анализа подтвердили высокий удельный вес производных слов в словарном составе латинского языка.

О значительной роли производных слов в лексике латинского языка свидетельствуют также данные словаря И. Х. Дворецкого, в котором мы обследовали словник на букву А с целью подсчета производных слов. Всего словарных единиц (полнозначных и служебных) 3955, из них производных — 2656, т. е. 67,15 %.

Словарь О. Граденвитца «*Laterculi vocum Latinarum*» (букв. «Кирпичики латинских слов») составлен на базе Тезауруса латинского языка [651] и включает два списка (в каждом по 53170 слов), прямой (a fronte) и обратный (a tergo). Словарь О. Граденвитца использовался нами при анализе конкретных префиксальных и суффиксальных морфем, в том числе и для определения их количественной характеристики.

Морфологический анализ производных и определение состава модели

Чтобы лингвистическое исследование привело к четким и систематизированным выводам, необходимо подвергнуть языковой материал тщательному и точному анализу, основанному на определенных принципах. При исследовании своего материала мы руководствовались принципами морфологического и словообразовательного анализа, разработанными Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, М. Д. Степановой, П. А. Соболевой и другими лингвистами.

Для нас служило основополагающим мнение о том, что *морфологический* анализ «направлен на выделение значащих частей слова и определение их иерархии, на обнаружение зависимостей между этими частями и вхождением слова в опре-

деленный парадигматический ряд, на обнаружение корреляций между строением слова и передаваемыми им грамматическими значениями» [153, с. 8].

Основной единицей морфологического анализа является морфема. В результате этого анализа слово представляется в виде цепочки морфем, которые Л. Блумфилд называл конечными составляющими комплексных форм.

Словообразовательный анализ направлен на определение непосредственно составляющих элементов слова — производящей основы и словообразовательного аффикса — и на установление словообразовательной модели как стабильной типовой структуры слова, обладающей обобщенным лексико-категориальным значением и реализующейся при ее наполнении лексическим материалом [356].

Как показали исследования последних десятилетий, задачи, объект и методы морфологического и словообразовательного анализа различны. Результаты членения слова на морфемы как на его конечные составляющие и на те компоненты, из которых складывается словообразовательная структура слова, т. е. непосредственно составляющие, могут существенно расходиться, а понятие морфемного состава слова не тождественно понятию его словообразовательной структуры [23, с. 10—30; 153; 415, с. 5—74]. Так, латинское производное *incredibilitas* «невероятность» по морфологическому составу равно совокупности морфем: *in-cred-i-bil-i-tas*. По способу образования перед нами не префиксально-суффиксальная конструкция, а только суффиксальная, образованная от прилагательного *incredibilis* «невероятный» с помощью суффикса *-(i)tas*, которую нужно представить как *incredibil-itas*. В свою очередь *incredibilis* — префиксальное образование, которое имеет словообразовательную структуру: *incred-i-bil-is*. Производное *credibilis* «вероятный, заслуживающий доверия» образовано с помощью суффикса *-(i)bil-* от глагола *credere* «верить»; его структура может быть представлена как *cred-i-bil-is*.

При морфологическом анализе важна только идентификация морфем, важно определить, из чего сделано слово, но не как оно сделано, т. е. как морфемы, на которые распадается слово, соединились между собой в одном слове. При словообразовательном анализе важно установление конкретного содержания морфем и сопоставление содержания разных морфем. Например, в однокорневых словах *clavis* «ключ», *claudere* «запирать», *clausum* «закрытое место», *clausura* = *clusura* «запор, замок», *includere* «заключать, окружать, включать» морфологически важно отождествить *clav-*, *clau-*, *clu*, т. е. установить, что это варианты одной и той же морфемы. Со словообразовательной точки зрения важно установить, что *clausura* в значении «запор, замок» содержит ту же морфему, что и глагол *claudere* в форме супина (*clausum*), что у них есть общая часть *-claus-*, которая является производящей основой, и различающая их часть — деривационный аффикс, в данном случае это суффикс *-ŭr-* со значением орудия действия (то, чем запирают). Для вычленения основы и деривационного аффикса мы проводим двойное сопоставление: внутри словообразовательного ряда, объединенного одним префиксом или суффиксом (морфологический анализ), и сопоставление с исходными производящими единицами, отделенными от производных единиц только одним деривационным шагом. Таким образом, главными еди-

ницами словообразовательного анализа оказываются словообразовательные основы и деривационные аффиксы, а главным результатом словообразовательного анализа является выявление того способа, с помощью которого образовано слово, вскрытие его словообразовательной структуры, установление деривационной модели. «Выделение основных моделей в соответствии с их конструкцией производится, следовательно, путем анализа конкретных связей внутри структурно однотипных рядов и противопоставлений, характерных для соотношения исходных и производных единиц» [147, с. 54].

Сопоставляя два ряда слов: 1) *altitudo* «высота», *longitudo* «длина», *magnitudo* «величина», *laetitudo* «радость», *aegritudo* «болезнь, недуг», *similitudo* «сходство», *beatitudo* «счастье, блаженство», *latitudo* «ширина», *amplitudo* «величина, значительность, обширность» и 2) *altus* «высокий», *longus* «длинный», *magnus* «большой», *laetus* «радующийся, веселый», *aeger* «больной», *similis* «похожий», *beatus* «счастливый», *latus* «широкий», *amplus* «обширный, крупный», — мы можем установить:

1) словообразовательный способ, с помощью которого образованы слова первой группы, — суффиксацию; 2) словообразовательный тип — «основа прилагательного + суффикс существительного *-(i)tudin-*», обозначающий абстрактное качество, отвлеченный признак как постоянное свойство; 3) словообразовательную модель — суффиксальную модель отвлеченных существительных, образованных от прилагательных; 4) абстрактную суффиксальную модель — схему Radj + Suf.

Именное словообразование в латинском языке

Именное словообразование в латинском языке до настоящего времени остается одной из наименее разработанных областей. До сих пор не предпринята попытка анализа латинской системы словообразования в целом, в том числе и системы именного словообразования. Неполно отражены способы словообразования, нет описания характера и типов изменений в морфологической структуре слова, происходящих в результате словообразовательных процессов, определения структуры словообразовательных моделей и их продуктивности, специфики словообразовательных морфем, не освещены такие понятия, как словообразовательные функции словоизменяемых морфем, понятие форманта,мены парадигмы, понятие парасинтеза, не определено место префиксации в словообразовании, отграничение ее от словосложения и т. д. Не нашел отражения и такой важный для латинского словообразования вопрос, как его связь с морфологией. Словообразование и словоизменение тесно взаимодействуют, не составляют сепаратных систем: суффикс «тянет» за собой определенную флексию. Понятие правильно/оформленности слова предусматривает оформление по определенному типу склонения. Нежесткость границ между формообразующими и словообразовательными морфемами приводит часто к их соединению в одном форманте, а в случаях парасинтеза — к созданию сложных формантов типа *ambi-R-ium* и т. п.

Задачей настоящей работы является попытка представить именное словообразование в латинском языке как систему. Под системой словообразования мы вслед за Е. С. Кубряковой [147, с. 39—40] понимаем «взаимосвязь и взаимодействие основных способов словопроизводства и словосложения, что находит отражение в распределении и функционировании главных словообразовательных моделей». Такое определение системы ставит перед исследователем на первом этапе задачу описания словообразовательных моделей.

Словообразовательные модели называются главными или системными, если они регулярно воспроизводятся в языке по аналогии и строятся с учетом фонетических законов, действующих в языке [507, с. 95].

Классификация словообразовательных моделей строится в нашей работе соответственно способу словообразования, который является организующим началом в формировании отдельных подсистем словообразования: префиксации, суффиксации и словосложения.

Таким образом, анализ материала латинского именного словообразования основан на принципах морфологического и словообразовательного анализа (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева, М. Д. Степанова, Л. Блумфилд и др.), на принципах деривационной ономазиологии (Е. С. Кубрякова и др.), а также на принципах учета взаимодействия словообразования с другими уровнями языковой системы: фонологией (Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, В. Н. Топоров и др.), морфологией (Е. С. Кубрякова, Э. А. Макаев и др.), синтаксисом (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Г. Маршан и др.).

§ 2. Становление фонда словообразовательных средств в медицинской терминологии

Словообразовательная система языка предназначена для обозначения мира без всяких ограничений, она несет в себе большие потенциальные возможности. Человек не знает наперед, как будет развиваться человеческая мысль в познании материи и что ему надо будет обозначать отдельным словом.

В становлении терминологии любой науки можно выделить два этапа: 1) начальный, естественный этап ее формирования и 2) сознательный, регулируемый. Первый из них связан с начальным этапом развития науки, с осознанием какой-то сферы познания как науки. В этот период создается множество вариантов для обозначения одного и того же терминируемого объекта, так как в основу обозначения одними кладется один признак, другими — другой. Наряду с синонимией наблюдается функциональная полисемия, перегруженность отдельных терминов и терминологических элементов различными значениями. Нельзя еще говорить ни о системе научных понятий, которые возникают не одновременно, а в связи с развитием научной мысли, дифференциацией наук и пр., ни о системе языковых средств для выражения этих понятий. Отбор лучших языковых средств идет естественным путем.

В латинской медицинской терминологии, многовековая история которой дает широкое поле для изучения вопросов становления терминосистемы, первый этап — естественное формирование терминологии — продолжался со времен Гиппократов (V в. до н. э.) вплоть до XVIII в., когда были созданы первые международные номенклатуры на латинском языке.

Медицинская терминология в европейской науке создавалась первоначально на древнегреческом языке. Уже в «Илиаде» Гомера (IX—VIII вв. до н. э.) встречается много данных о состоянии анатомических знаний, хирургического искусства и фармации. К VI—V вв. до н. э. в Греции сформировалось несколько медицинских школ, о которых мы знаем из дошедших до нас источников. Наибольшей известностью пользовалась косская школа, главным представителем которой был знаменитый врач Гиппократ, живший во второй половине V в. до н. э. С его именем связан самый обширный из дошедших до нас источников, восходящих к раннему этапу становления медицинской науки и терминологии — *Corpus Hippocraticum*, который содержит свыше 70 медицинских текстов, некоторые из которых написаны самим Гиппократом, остальные же — его учениками и последователями, а также представителями других медицинских школ. Гиппократов Корпус дает ясное представление о способах формирования медицинского словаря, о терминотворчестве врачей и ученых того периода. Терминология Гиппократова Корпуса была унаследована дальнейшими поколениями медиков вплоть до нашего времени.

В античное терминологическое наследие вписали свою страницу знаменитые греческие врачи и ученые — крупный ученый, философ Аристотель (IV в. до н. э.), основатель Александрийской школы врачей Герофил и его последователь Эразистрат (III в. до н. э.), выдающийся врач древности Клавдий Гален (II в. н. э.) и другие, разрабатывавшие теоретические проблемы медицины и оттачивавшие медицинский язык до той стройности и научной точности, которая требовалась для терминологии. Этому в полной мере способствовал древнегреческий язык, обладавший большой гибкостью и легкостью соединения основ и словообразовательных элементов для обозначения новых научных понятий и уточнения уже существующих.

Формирование медицинского словаря античности проходило за счет рождающегося литературного языка и живой разговорной речи путем переосмысления и терминологизации слов, уже бывших в употреблении. Одним из широко используемых способов терминотворчества была метафоризация, отражающая наблюдательность и мироощущение врачей античной эпохи. Например, в Гиппократовом Корпусе: *cōrē* «зрачок» (букв. «девушка»); *stephánē* «радужная оболочка глаза» (букв. «венки, диадема») и др. Терминологические обозначения в античной медицине сохраняют черты конкретного образного мышления, основанного часто на чисто внешнем сходстве предметов. Так, например, для обозначения отростка второго шейного позвонка греками было предложено, по свидетельству Везалия, несколько наименований: *odontoeidēs* — по сходству с зубом, *pyrinoeidēs* — по сходству с наконечником стрелы, *cōnoeidēs* — по сходству с формой сосновой шишки и др. Выбор разных признаков для наименования одного и того же терминируемо-

го объекта порождал множество вариантов обозначений, иногда целые ряды синонимов, отражающих терминологические поиски более точных наименований. Например, синонимические обозначения груди как части тела человека: *stérnon*, *stēthos*, *thorax*, *kitharos*, *chēlys*. Ряд синонимических наименований пополнялся за счет описательных терминов, часто не совсем устоявшихся.

Латинская научная медицинская терминология возникает на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э., о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени сочинения римского поэта-философа Лукреция Кара (I в. до н. э.), известного врача Корнелия Цельса (I в. н. э.), римского естествоиспытателя и писателя Плиния Старшего (I в. н. э.) и др. Римские писатели и врачи занимались, в основном, компиляциями и переводами греческих научных трудов. Их компиляции иногда имели характер популярных энциклопедий. Таков был энциклопедический труд Корнелия Цельса в 8 томах, из которых до нас дошел один — под названием «*De Medicina*». Энциклопедический характер носят и поэма Лукреция «*De rerum natura*» и многотомная «*Naturalis historia*» Плиния Старшего.

Дальнейшее развитие латинской медицинской лексики нашло свое отражение в сочинениях Серена Саммоника, Гаргилия Марциала, Марцелла Эмпирика, Теодора Присциана, Целия Аврелиана и др.

Процесс создания собственно латинской медицинской терминологии проходил за счет освоения греческой терминологии путем поисков в литературном латинском языке эквивалентов греческих терминов и путем заимствований из греческого. Обогащению латинского словаря медицины способствовало структурно-семантическое калькирование греческих медицинских терминов. Часто латинские наименования (например, у Цельса) сопровождались латинизированными греческими: лат. *lien* — греч. *splen* «селезенка»; лат. *ren* — греч. *nephros* «почка»; лат. *cor* — греч. *cardia* «сердце»; лат. *ventriculus* — греч. *gaster* «желудок»; лат. *os* — греч. *osteon* «кость» и т. д. За счет параллельного употребления латинских и греческих терминов расширялась синонимия в терминологии. Создавалось своеобразное «латино-греческое двуязычие» — характерная черта античной медицинской терминологии, сохранившаяся до сих пор и ставшая традиционной в развитии современной терминологии.

Среди разных способов пополнения терминологической лексики особенно продуктивным был морфологический способ, при котором образование терминов шло посредством словосложения и аффиксации. Использование различных комбинаций основ и аффиксов и существующих в языке словообразовательных моделей — как чистых (греческих или латинских), так и смешанных (греко-латинских и латино-греческих), давало возможность не только обозначать отличительные признаки нового понятия, но и отражать его место в системе существующих понятий. Словообразовательные средства, определяя границы содержания данных понятий, получали, в свою очередь, более строгую семантическую специализацию.

По мере развития науки четче вырисовывается система ее понятий. Это вызывает необходимость в мотивированных обозначениях, внутренняя форма кото-

рых строго соответствовала бы их содержанию. Эти обозначения создаются из имеющихся в языке средств и главным образом в сфере словообразования. При формировании терминологии именно словообразовательные возможности языка помогают свертыванию описательных терминологических оборотов в более короткие производные наименования. Словообразующие морфемы выполняют в терминологии классифицирующую функцию. Это достигается тем, что термины, обозначающие понятия одного классифицирующего ряда, образуются по одной словообразовательной модели. В процессе дифференциации разделов медицины происходит размежевание аффиксов, специализация их в пределах одного раздела терминологии — в каждом преобладают характерные для него средства, отражая его собственную упорядоченность и систему. Специализация словообразовательных аффиксов обуславливается увеличением регулярности словообразовательных моделей, ростом продуктивности моделей, обслуживающих основные категории наименований. Таким образом, терминообразовательный процесс постепенно становится все более управляемым и регулируемым, и можно говорить о становлении своей словообразовательной подсистемы в медицинской терминологии со своим собственным фондом терминообразовательных средств.

При описании терминообразования мы руководствовались основными положениями как отечественной терминологической школы (Г. О. Винокур, В. Г. Гак, А. С. Герд, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, Л. Л. Кутина, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, А. В. Суперанская, В. А. Татарinov, В. Н. Шевчук, С. Д. Шелов и др.), так и зарубежной (Р. Браун, Л. Гильберт, Ж. Люркен, О. Нибаккен, Т. Сейвори, Х. Фелбер и др.), разработавшими теоретические основы построения, развития и упорядочения терминологии, методику ее унификации и стандартизации, теорию и практику лексикографической работы.

В настоящее время разрабатываются как общие вопросы использования греко-латинских словообразовательных средств в терминологических системах: интернационализации терминологического фонда (Е. Вюстер, В. В. Акуленко); статуса морфем греко-латинского происхождения (Т. Л. Канделаки, Н. В. Васильева), их роли в создании терминологий в европейских языках и способов их лексикографического представления (Н. В. Юшманов, Т. Л. Канделаки, Ф. Вернер, В. Флад, Б. Вальгрэн, А. Котте и др.), так и частные вопросы становления и развития отдельных разделов медицинской терминологии. Однако в целом ряде последних работ, как отечественных (Л. М.-Р. Аллафи, Е. В. Бекишева, Р. Е. Березникова, Л. В. Дубровина, В. Н. Катеринич, Г. А. Краковецкая, Т. В. Куркина, М. Н. Лазарева, О. Н. Полухина, З. А. Сергеева, Л. А. Татарина, Н. П. Ульянова и др.), так и зарубежных (И. Бехер, Ф. Вольфф, В. Рихтер, Е. Робл, У. Фрайдгоф, М. А. К. Фринэй, К. Шульц и др.), отсутствуют теоретические исследования общего характера, построенные на материале именно латинской медицинской терминологии и, в частности, терминообразования.

Раздел I. ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Глава I. ПРЕФИКСАЦИЯ В ЛАТИНСКОМ ИМЕННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

§ 1. Общая характеристика латинских префиксов

В нашей работе мы сочли целесообразным вести описание, руководствуясь принадлежностью производных слов к определенному способу словообразования; иными словами, до определения общих закономерностей системы мы считаем необходимым представить описание каждого из способов словообразования по отдельности.

Вопрос о месте префиксации в именном словообразовании латинского языка решается неоднозначно. Все зарубежные работы относят префиксальные производные к словосложению. В монографии Е. А. Жюре, казалось бы специально посвященной именному и глагольному словообразованию, префиксация не выделяется в отдельный раздел, но и сложению с предлогами в работе отводится весьма скудное место. Препозитивные частицы, не соотносящиеся с предлогами и не употребляющиеся самостоятельно, рассматриваются здесь как результат примыкания (*juxtaposition*) в отличие от собственно словосложения (*composition*). К словопроизводству же здесь относится только суффиксация [494].

В немногочисленных затрагивающих этот вопрос работах отечественные ученые-классики тоже не проявляют единства. Одни (С. И. Соболевский, И. М. Тронский, Я. М. Боровский) принимают традиционную точку зрения, считая префиксальные производные результатом словосложения. К тому же Я. М. Боровским [44] префиксация рассматривается только в системе глагольного словообразования, а также в тех случаях, которые связаны с препозитивными частицами, не соотносимыми с предлогами (*ambi-*, *dis-*, *re-* и др.). С другой стороны, частицы, соотносимые с предлогами, рассматриваются им в словосложении, причем характеризуются они в самом общем виде. Другие авторы грамматик и учебников по латинскому языку (В. Н. Ярхо, Н. А. Федоров и др.) выделяют префиксацию как один из видов аффиксации в отдельный раздел, но описывают ее в сжатой форме. Специальных новых работ, посвященных префиксации в латинском языке, до сих пор не существует.

Разногласие во мнениях относительно природы префиксации не случайно и характерно для понимания и описания всей системы словообразования в индоевропейских языках [147, с. 46—50]. Выбор того или иного пути описания префиксального словообразования диктуется разным пониманием сущности префиксации и словосложения, сложившимися традициями в описании соответствующего материала и т. д.

Не вызывает сомнения, что истоки префиксации восходят к словосложению, когда одним (первым) из складывающихся компонентов композита выступали предлоги, предлогообразующие наречия или другие частицы. В латинском языке обнаруживаются черты именно такого состояния.

Таким образом, в настоящей работе мы полагаем, что наличие у препозитивной частицы коррелята в виде свободно употребляемого наречия и/или предлога не может рассматриваться в качестве довода против признания за ней префиксального статуса. Под префиксальным образованием, входящим в систему словообразования, соответственно, мы понимаем всякую членимую комплексную единицу, включающую в свой состав либо подлинный префикс (т. е. частицу с отсутствующим у нее свободно стоящим элементом), либо так называемые относительные префиксы. Естественно, что критерием отнесения комплексной единицы к числу префиксальных считается также: а) достаточная повторяемость слов аналогичного строения, что создает предпосылки организации словообразовательного ряда, насчитывающего обычно достаточно большое количество однотипных единиц; б) явно служебный характер семантической модификации корня, что отличает префиксальные образования от сложений и позволяет представить словообразовательные значения этих единиц конечным списком; в) что очень важно, измененная сочетаемость самого первого компонента словообразовательной модели (так, наречия возможны перед глаголами, но при становлении префикса последний присоединяется и к именным основам; точно так же предлоги относятся к именам, но при превращении их в префиксы они, напротив, характеризуются способностью соединения с основами глагольного типа и т. д.); г) алломорфия препозитивных элементов и корневых морфем, связанная со взаимовлиянием складывающихся элементов одной структуры.

Характеризуя эту часть латинской системы словообразования, следует, однако, отделять ее от области чистого словосложения, ибо только так удастся выявить отличительные черты складывающейся префиксальной системы с разветвленной системой представленных здесь словообразовательных моделей, первый член которых по целому ряду свойств и признаков уже отходит от своего самостоятельно коррелята — наречия и/или предлога.

Можно подчеркнуть, что классическая латынь отражает тот этап в становлении системы префиксации, когда она представляет собой область, тесно связанную с предложными и наречными оборотами и в то же время явно от них обособляющуюся по целому ряду признаков — функциональных, структурных и семантических. Такое обособление, впервые получившее описание под именем морфологической изоляции, было известно и для других европейских языков (145), но в латинском языке его формы и проявления особенно очевидны и многообразны. С одной стороны, несомненны семантические связи между употреблением такой, например, единицы, как *ante-*, и в самостоятельном виде, и внутри составной единицы, ср. *ante lucem* — «перед рассветом» и *antelucanus* — «предрассветный». С другой стороны, *ante-* выступает в таких производных, как *antecenium* от *cena-* «обед» — «закуска (угощение, предшествующее главной трапезе)», *antecedentia* от *antecedere* — «пред-

шествовать» — «причина (предшествующее обстоятельство, то, что предшествует — причина)», уже с некоторыми чертами семантической дифференциации.

Употребляясь в связанном виде, предлоги развивали на базе собственных значений новые — обобщенные: значение отрицания (*absurdus* — «неблагозвучный; нелепый»; *demens* — «безумный, неразумный»; *expers* — «не принимающий участия, непричастный»); значение ослабления или усиления качества (*exalbidus* — «беловатый», но *exartus* — «очень узкий»; *subobscurus* — «темноватый», но *peraltus* — «очень высокий»; *praeclarus* — «очень яркий; прекрасный»); значение оценки (*posthabēre* — «считать менее важным», *postponēre* — «ставить на второй план»); обозначение родственных связей поколений (*proavus* — «прадед; предок»; *abavus* — «прапрадед»; *proactor* — «родоначальник»; *abnepos* — «праправнук») и др.

Интересно, что уже на этом этапе развития префиксации наблюдаются явно членимые лексикализованные производные, например, *interire* — «губить», значение которого не выводимо из значений составляющих его частей (*inter* — «между», *ire* — «идти»).

Вместе с функциональным и семантическим переосмыслением осуществлялась и морфологическая изоляция препозитивных предложно-наречных частиц путем фонетического обособления разных вариантов морфемы в свободном и связанном употреблении. Семантическая слитность предлога с последующей основой создает предпосылки и для взаимовлияния этих единиц в чисто фонологическом отношении: до тех пор, пока частица воспринимается как отдельный предлог (ср. написание типа *conlega*), она не создает морфемного шва в подлинном смысле этого термина. Напротив, как только частица сливается с последующей основой благодаря цельнооформленности слова, граница между бывшим предлогом и основой начинает восприниматься как морфемная граница. На морфемных же границах и происходят мощные фонологические процессы подгонки одной морфемы под другую: разного рода ассимиляции, редукции, устранение зияний и т. п. В результате возникают условия для чисто фонологического разграничения разных морфов одной морфемы: форма, закрепленная за предлогом, — неизменна; напротив, в ряду алломорфов одного префикса — целый ряд фонологически сходных, но нетождественных алломорфов (ср. *sub-*, *suc-*, *suf-*, *sug-*, *sum-*, *sup-*, *sus-*, *su-*). Ясно, что *suf-* уже не может рассматриваться как предлог, он приобретает материально обособленный от предлога облик. Алломорфия префиксов, которую мы охарактеризуем подробно несколько ниже, становится сама по себе важной приметой префиксального словообразования. Но латинская префиксальная система развивает не только алломорфию префиксов. Параллельно чередованию морфов одной препозитивной морфемы возникает альтернирование морфов корневых морфем, обязанное тоже взаимовлиянию складывающихся элементов одной структуры (ср. *medius* → *dimidius*, *teneo* → *sustineo*, *caput* → *praiceps*, *pars* → *expers*, *facio* → *efficio*, *cado* → *occido* и др.). Изменяется и место ударения в структуре слова, если второй от конца слог был кратким (ср. *cáput* → *ócciput*, *légo* → *cólligo*, *páro* → *ímpero* и др.). Подробнее об этом см. в § 2 «Фонологические характеристики префиксальных моделей».